

Его принесли трое. Двое несли за передние и задние лапы, а третий крепко держал мохнатую и огромную голову с перемотанной кожаными ремнём пастью. Все трое матерились и осыпали зверя всеми известными им ругательствами. Его так и бросили в деревянную с железными сетками клетку: связанного по передним и задним лапам и со связанными крепко накрепко челюстями. Только глаза зверя были свободны. Когда он упал на бок, то посмотрел вокруг, с интересом изучая новую для себя среду.

– Чтоб его мать! – ругнулся толстый в заячьем коштуне. – Здоровенный, как лось! Сколько собак наших задрал! Чтоб его мать!

– Ничего, зато расплатится шкурой своей! – сказал другой, выходя из клетки и вытирая окровавленный подбородок. – За такого кабана отвалят деньжат, мама не горюй!

– Я бы лучше его пристрелил, и дело с концом! Всё равно убежит. Хоть и от новых хозяев – всё равно убежит!

– Там уж дело не наше. Наше – бабки в карман и шабаш! У-у, мор-

да! Двух охотничьих псов задрал, зверюга! – сказал опять тот, что был в коштуне.

– Не собака он и не волк... Как их, мать их, зовут? Волкособы – во как! Отец – волк, мать – собака, – высказался третий.

– Как бы ни звали, только б платили за эту собачью работу! – закончил тот, что был с окровавленной челюстью, и все трое вышли из клетки, оставив раненого зверя и тщательно заперев за собою дверь.

Мутное солнце раннего октября покорно склонялось к горизонту, и над питомником для собак постепенно сгущалась тьма. Всем собакам принесли в железных мисках еду. По железным и деревянным клеткам заходил радостный гул, и аппетитное собачье чавканье разлеталось вместе с завораживающими запахами конской трубки...

Ужин в питомнике! Вот только новичка никто не кормил. Волкособ лежал, как прежде, на деревянном полу с перемотанными конечностями и сжатой ремнём пастью. Его веки приоткрылись – по-видимому, боль от ран немно-

го приутихла. Волкособ оглядел, на сколько хватало движения глаз, вокруг: дубовая клетка с сеткой-рабицей, деревянный пол, посыпанный опилками, напротив его клетки узкая улочка с противоположно стоящими на другой стороне клетками. В клетках собаки, пожиравшие давно подошшую падаль. Но одна собачка в клетке напротив не ела, а смотрела удивлёнными большими глазами на него...

Это была самка бордер-колли. Красивая, с длинной шерстью и огромными, как солнце, глазами. Она, не переставая, удивлённо и тревожно глядела на нового постояльца питомника...

– У тебя кровь... – сказала она, обратившись к новому постояльцу. – Ты кто?

– Я – Ры-ы-ры-ц-арь...

Волкособу было трудно говорить, оттого что морда его была перевязана крепким ремнём, и имя своё он мог только с большим трудом прорычать.

– Ты – царь?! – удивлённо переспросила молодая самка бордер-колли.

Волкособ улыбнулся и тут же почувствовал, что голова его лежит в чём-то мокром...

– У тебя из головы, за ухом кровь течёт... – вновь тихонько пролаяла бордер-колли.

Лязг железных мисок и запах аппетитного варева не переставал наполнять воздух питомника. Рядом в соседних клетках жадно глотали собачье пойло: доберманы, папильоны, ротвейлеры, пудели, золотистые ретриверы, колли, австралийские пастушьи собаки, доберманы, немецкие и московские овчарки... Словом, представители всех континентов пребывали в этом питомнике, каждый в своей клетке, каждый при своём

поводке и причитающейся ему или ей миске...

Волкособ повёл рваным ухом и напряг нюх. Он улыбнулся своей новой подружке, но улыбка через перевязанные кожаные ремни показалась зловещим оскалом.

– Никогда прежде не доводилось видеть царей, – опять сказала бордер-колли.

Но ей пришлось остановиться – послышался нарастающий шум шагов. Двое охранников при пистолетах шли в сторону клетки нового пленника. Один из них нёс рогатину. Они подошли к клетке перевязанного вусмерть пса и осторожно приоткрыли дверь. В клети лежал обездвиженный волкособ, но можно было подумать, что они входят в камеру к особо опасному и хорошо вооружённому серийному убийце.

– Я прижму его голову рогатиной, а ты развяжешь ремни на челюсти и наденешь на него ремень, – сказал охранник со шрамом.

– А чего это я буду развязывать? Сам развязывай, а я стану с рогатиной, – отвечал другой охранник.

– Ну тебя! Держи жердь твёрдо!

И вооружённые до зубов смотрители начали предпринимать действия, столь необходимые для того, чтобы дать возможность перевязанному по рукам и ногам псу не умереть от голода. Один охранник рогатиной прижал мохнатую и окровавленную голову волкособа, а другой растянул ремни на челюстях. Затем он надел на шею волкособа ремень из прочной, как железо, кожи. Цепь крепилась к вбитому в дубовый косяк кованому крюку.

– Лапы только передние развяжи, – посоветовал державший рогатину.

– Поди не дурак. Держи жердь – смотри!

Наконец, когда миска с едой оказалась в клетке, а морда и передние лапы развязаны, а ремень надет на шею – охранники, держа пистолеты наперевес, вышли из клетки так осторожно, как если бы пятились по минному полю...

Быстро темнело. В этих местах отчего-то всегда быстро темнело. Солнце словно бы не любило одинокий посёлок вдалеке от города, посёлок, где томили в собачьих клетках несчастных животных. Питомник даже был внешне похож на тюрьму.

– Меня Рыцарь зовут... Кличка привязалась от рождения, – тихо и ласково прорычал волкособ. Было видно, что новичку трудно произносить слова нежно. Он просто не привык к этому.

– А меня Хейли... – ласково отвечала бордер-колли. Ласково оттого, что она почувствовала сердечное расположение к этому огромному и великодушному псу. – Ты такой огромный и сильный... Неужели ты вырос в неволе?

– Нет, девочка. Я никогда не был в питомнике. Я родился и вырос на свободе! Я родился там, где счастливо светит солнце вольчей свободы! – последние фразы волкособ прорычал несколько угрюмо из-за занывших, после развязывания, ран... Рыцарь старался, несмотря на боль, говорить с Хейли ласково, так как и она ему тоже очень нравилась. – Там никогда не бывает темно, там всегда светит наше солнце – Солнце свободных волков! Когда закатывается светило земное – встаёт солнце наших сердец, солнце тех, кто любит свободу и волю вольную ценит выше всего на свете!

Он подполз, упираясь в мокрый от его крови пол передними лапами, к миске с едой. Связанные задние лапы волочились за ним, как одна большая «нога». «Связка ног» проделывала позади себя кровавый мазок, подобный мазку кисти на картине... Волкособ жадно припал к еде.

– Знают, лихоимцы, куда бить... – прорычал он, словно бы разговаривая сам с собой. – Весь нос отбили...

Разговор молодой самочки бордер-колли привлек внимание собак находившихся в клетках по соседству. Рядом за железной перегородкой жил старый ротвейлер. Чёрный с чёрным ошейником, с плоской мордой, он походил скорее на цербера, на стража преисподни, более, нежели на собаку, предназначенную для общения с человеком.

Ужин закончился, настроение питомцев поднялось, и четвероногих потянуло на откровенность...

– Ты сильно изранен, сынок, – сказал из своей клетки ротвейлер. – За что же тебя так избили?

Чтобы почтить внимание старика, волкособ оторвался от еды и ответил:

– Люди привыкли жить в тюрьме. Они хотят, чтобы и мы жили, как они. Им понравилась моя шерсть и рост, и они напали на меня со своими собаками... Двоих охотничьих я загрыз на месте. Впрочем, такая драка не в первый раз...

– И сколько же раз тебя привозили в питомник? – продолжал расспросы ротвейлер.

– Шесть раз, – отвечал Рыцарь. – Но в этот питомник впервые.

– Бог мой! – вырвалось у ротвейлера. – А я тоже, как и Хейли, никогда не был свободен...

Он осёкся, задумался и больше не приставал с вопросами.

– На всякий случай, моё имя – «Князь», – добавил старый ротвейлер и положил морду на лапы, наблюдая, как молодой волк стремительно поглощает еду.

– Дай Бог, завтра раны начнут заживать, а там через недельку я буду таким же сильным, как прежде...

Он закончил о скудной трапезой и вновь посмотрел на клетки, что стояли напротив.

– Нас здесь плохо кормят, – произнесла, вытягивая тонкие губки, Хейли. – Меня выворачивает от конской требухи.

Доберман Панцирь, живший клеткой ниже Хейли, пролаял:

– А я покрываюсь пятнами от их жрачки! Они хорошее мясо своим «щенкам» относят, а нас кормят дохлой лошадьё.

Папильоны, находившиеся в соседней клетке выше Хейли, жалобно заскулили, а золотистый ретривер чихнул.

– Каким «щенкам»? – переспросил Рыцарь.

– У людей тоже есть «щенки», мой мальчик, – пояснил ротвейлер Князь. Он хотел о чём-то спросить Рыцаря, но решил отложить вопросы до утра.

* * *

Мутный рассвет возвестил о начале нового дня в питомнике. Собаки проснулись все, за исключением дворняжки Белки – ей досталась миска с плохой едой, и ночью она умерла. Белка жила неподалёку от тех клеток, в которых томились новые друзья Рыцаря. И наверно поэтому, весть о смерти Белки очень скоро стала известна волкособу. Хейли заплакала, а старый ротвейлер Князь только ещё суровее сдвинул брови...

– Труп за забором заруют и придут завтрак давать и опять будут бить палками, – невесело произнесла Мома – австралийская пастушья собака. – Всегда бьют. Ни разу не пропустили, пока я тут.

– Зачем бить палками и кормить едой? – удивлённо спросил Рыцарь. Ночью он перегрыз ремни на задних лапах, и теперь все собаки в клетках напротив могли восхищённо глядеть на его величественный рост и царственной окраски шерсть. Шерсть словно вся светилась на Рыцаре, несмотря на кровь и грязь, в которых он был основательно измазан.

Вдруг раздались шаги, и в вольер вошли двое людей. Один – тот, что был в заячьем коштуне, а другой – новый сотрудник. Мужик в заячьем коштуне показывал хозяйство и учил молодого. Они несли с собой бачки с остывшей едой и палки.

– Смотри внимательно. Когда даёшь похлёбку, может, кто и укусит... Для особо буйных не жалей палки.

– Зачем?

– Они так становятся покладистыми и слушают тебя с первого слова. И потом, когда свистит палка, всем собакам в питомнике становится понятно, кто тут хозяин. Поверь мне – нужно делать так, как мы говорим. Этот опыт ещё никого не подводил. Но, как правило, палка нужна только для тех собак, что выросли на воле.

Они начали раздавать еду, сопровождая появление миски в клетке нанесением короткого, но ощутимого удара по рёбрам собаки. Чаще всего доставалось тем собакам, что не родились в питомнике. Так «позавтракали» хотя и немногие, но уж точно те, кто был похож на Рыцаря. Когда же подош-

ли к его клетке, мужик в коштуне сказал напарнику:

– Этого сегодня кормить не будем. Просто угостим его прясом!

И они, открыв маленькую дверцу в клетку и просунув туда обе жерди, начали наносить волкособу сильные удары по позвоночнику и голове. Рыцарь сопротивлялся как мог. Он рычал, впивался зубами в ствол палки; его отбрасывали удары к дубовой стене, но ни разу волкособ не взвизгнул.

– Хватит с него на сегодня. Еды не давай. Пошли.

Они ушли. И когда шаги их стихли, пудель Жак сказал, что его никогда не бьют, оттого что он ведёт себя смиренно. Золотистый ретривер Кустодий, живший в самой нижней клетке, оскорбительно заметил на это:

– Я учился смирению у самого архиерея, когда был его псом, однако по мне колотят регулярно. Если б архиерей не умер, то видели бы меня здесь! О если б Промысел был ко мне более благосклонен! – и пёс начал причитать, трагически уткнувшись в угол клетки.

Рыцарь лежал в вольере, мучительно зализывая раны. Едва вчерашние побои начали заживать, как только что по свежим ранам опять ударили жерди... Хейли и другие собаки не могли без внутренней скорби наблюдать за волкособом....

– Скажи Рыцарь... – начал ротвейлер. – А что это за Свобода такая, ради которой ты терпишь столько мук? Мы все родились в неволе и не знаем ничего о тех местах, откуда ты? Расскажи нам, благородный волк, почему ты готов страдать, не спать, не есть, терпеть побои, принимать страшные раны ради этой странной Сво-

боды? Наверно, велика сладость обладания Свободой?

Волкособ немного помолчал, но потом заговорил, словно бы делясь мудростью, не всем понятной:

– Я из долины, расположенной далеко отсюда. Туда никогда не заходят люди. Иногда в эту долину приезжают человеческие машины – грузовики, и высыпают чёрную землю. В этой долине текут быстрые реки, и поют соловьи. Волки растут в этой долине крупными и сильными. Шерсть их отликает всеми цветами радуги. И над этой долиной никогда не заходит солнце – Солнце нашей свободы, – Рыцарь едва заметно застонал. – Жирной и неповоротливой дичи в этой долине видимо-невидимо! Волки и собаки мирно и долго живут там и всегда бывают счастливы.

– Что же такое Свобода, волк? Я не могу тебя понять. Свобода – это сытость?

– Нет.

– Тогда Свобода – это безделье?

– Нет.

– Тогда Свобода – это мир между волками и собаками?

– Нет.

– Что же такое Свобода?! – громко залаяли собаки наперебой. – Мы все хотим знать о Свободе всё! Вольная-воля, о которой ты, волкособ говоришь, что это?!

Поднялся галдёж. Собаки лаяли без умолку. И только рык Рыцаря остановил их.

– Хорошо, – прорычал окровавленный Рыцарь. – Бегите со мною из псовой тюрьмы, и я покажу вам, что есть настоящая Свобода!

Ещё не погас день над мрачным питомником, как двенадцать собак: старый ротвейлер Князь, шотландская колли Фрегат, немец-

кая овчарка Никки, московская сторожевая Храбрый, дворняжка Гром, папильоны Альба и Альма, доберман Панцирь, пудель Жак, австралийская собака Мома, золотистый ретривер Кустодий, конечно же Хейли и волкособ Рыцарь решили бежать из питомника при первом же подходящем случае! Был разработан самый простой план побега, и оставалось дождаться удобного случая...

* * *

Приблизительно через две недели под забором питомника появилась пустая бочка из под соляры, и Рыцарь сказал, что это очень хорошо. Он сказал, что если им удастся перевернуть бочку и взобраться на верх её, то он, встав во весь рост на бочку и положив лапы на верх забора, сможет стать мостом, по которому собаки перелезут на ту сторону. Тут же был назначен день побега, и оставалась всего одна ночь – последняя ночь в тюрьме собак...

Когда над питомником взошла огромная луна, Хейли, смотревшая дотоле на Рыцаря огромными зелёными глазами, тихим поскуливанием разбудила волкособа. Рыцарь открыл глаза и взглянул на её клетку.

– Ты не спишь, моя малышка? – спросил он.

– Я очень волнуюсь. Я никогда не была на свободе. Что будет там? Там будут мужики с палками? А кормить там будут?

– Ты увидишь другую жизнь, Хейли... Ты увидишь, как огромен и прекрасен мир, в котором ты родилась... Там, в долине свободных волков, под солнцем вольной воли ты узнаешь, что такое настоящее счастье!..

– А кем были твои родители? Они жили в волчьей долине?

– Нет. Они пришли туда издалека. Мой отец был русским волком, а мать – сторожевой овчаркой. Они полюбили друг друга в Долине, и я уже родился там, на берегу ручья, и очень долго не видал тех, кто ходит на двух лапах...

– Должно быть, они были очень красивы, потому что у них родился очень красивый сын...

– Ты невольно смущаешь меня, Хейли. Если б не эти проклятые клетки, мы могли быть счастливы, оттого что и моё сердце полюбило тебя!

Но тут раздалось сердитое ворчание. Разговор влюблённых разбудил Жака, и тот сделал сердитое замечание на счёт того, что «...если кое-кто намеревается бежать из питомника, то им следовало бы поберечь силы...» Влюблённые волкособ и бордер-колли улыбнулись и положили счастливые головы на лапы...

* * *

Расцветшее утро середины октября всем собакам показалось прекрасным.

Решили не мешкать долго. И сразу же после завтрака, когда служители ушли выпить водки, волкособ снялся с ошейника отработанным способом и впился зубами в рабицу, под общее одобрительное и нетерпеливое потягивание заговорщиков. Сетка-рабица была прибита обыкновенными нерифлёнными гвоздями к дубовым перегородкам клетки. Если б не дубовые стены, то рыцарь, пожалуй, справился бы пораньше. Пришлось всей стае нервно прохаживаться внутри клеток с десяток минут пока, наконец, гвоз-

ди не поддались и угол сетки не задрался вверх. Волкособ смог ещё немного отогнуть сеть настолько, чтобы могли пролезть голова и туловище. После сего он протиснулся в образовавшееся пространство между хромированной сетью и дубовой перегородкой. Собаки могли с достоинством оценить могучие размеры волкособа, когда он появился весь снаружи на проулке между клеток животных! Они никогда не видели в своей жизни большего гиганта.

Рыцарь был прекрасен: огромная гордая голова, мощная шея, поросшая мохнатой пепельно-серой гривой грудь, подобная львиной, крепкие длинные лапы, стан – всё выдавало в нём царя волков и собак! Не только бордер-колли, но и все питомцы невольно оцепенели от бесподобного вида их вожака!

– Потерпите. Я мигом! – выкрикнул Рыцарь и начал хватать клыками железные засовы и вытягивать их из пазов. Собаки выби- рались наружу. Ещё через десяток минут все клетки заговорщиков были открыты... Первые минуты вольницы неведомой прежде радостью охватили их маленькие сердца!

– Никки и Фрегат, открывайте клетки других собак в питомнике! Нам необходима паника. Если наружу вырвутся собаки из прочих клеток – у нас будет больше шансов уйти незамеченными! Гром, Панцирь и Кустодий, помогите мне поставить бочку вверх дном и лучше всего в углу забора! – вожак отдавал приказы резким и не терпящим возражения лаем. Стая бросилась выполнять его волю, и через ещё несколько минут два десятка собачьих клеток были распахнуты настежь, а

бочка из-под соляры стояла вверх дном в углу питомника....

Волкособ, не мешкая, взобрался на бочку и став передними лапами на верхнюю кромку ограды, предложил своим единомышленникам взбираться по нему и прыгать через забор. Первой взобралась и прыгнула на ту сторону Хейли, за ней последовала Мома, потом Никки, затем пудель Жак, Кустодий, Гром, Альба и ещё с десяток собак-дворняжек, неожиданно получивших свободу... Вот только Альба никак не могла взобраться по шерсти Рыцаря. Она постоянно скатывалась и даже падала с бочки. А тем временем собаки, выпущенные из вольеров, подняли самый настоящий гвалт. Многие из них дрались между собой, рыскали по питомнику в поиске наживы и даже заглядывали в окна комнаты охраны. Наконец смотрители собачьей тюрьмы увидели восстание псов и бросились наводить порядок.

Тут Рыцарь сказал Альбе «Прости» и, схватив своей могучей пастью папильонку за загривок, прыгнул вместе с нею через забор. Снаружи их уже поджидали счастливые заговорщики. Правда, стая увеличилась вдвое, так как к ним присоединились дворняги из других павильонов. Но, так или иначе, все собаки перебрались по широкой спине волкособа. Тут выяснилось, что во время прыжка ротвейлер Князь подвернул заднюю лапу и теперь хромал....

– За мной! – скомандовал Рыцарь и повёл стаю на север.

* * *

Как же радовались собаки, впервые в жизни коснувшись лапами свободной земли!

Они преодолели огромное расстояние, прежде чем люди поняли, что часть собак покинула питомник. Сначала, в общей суматохе, среди десятков дерущихся между собой собак никто в питомнике не мог понять, отсутствует ли кто из клеток у северной стены? Но когда увидели, что вольер для волкособа пуст – тогда служители забили серьёзную тревогу...

Была снаряжена экспедиция для поимки отчаянных беглецов. Два джипа с вооружёнными до зубов людьми выехали из собачьей тюрьмы. Задача осложнялась тем, что отсутствовали две охотничьи собаки, которые были загрызены волкособом во время его поимки. И никто из охотников до чужой крови не знал, куда на самом деле ехать. Лишь один из них – самый старший – сказал, что следует посмотреть в том направлении, где они ловили Рыцаря. Все нашли такой совет разумным, и чёрный след от двух «газиков» мгновенно протянулся на север...

Тем временем собачья стая шла, без остановок и привалов, походной рысью через сёла и деревни.

Перепрыгнув забор питомника, собаки пробежали село и вышли на большую наезженную дорогу. Впереди бежал волкособ, рядом с ним Хейли, немного позади Жак, Мома, Кустодий; в середине были: Панцирь, Никки, Гром, Фрегат, парочка лучших из дворняжек и позади всех, и даже позади десятка приبلудившихся дворняг, едва поспешали попилыоны Альба и Альма, и ещё немного на отдалении от стаи – ротвейлер Князь. От падения на твёрдую землю с большой высоты задняя лапа была травмирована, и старый пёс едва поспевал за молодыми. Узнав о беде Князя, Рыцарь некоторое

время бежал рядом с ним пытаясь разузнать, в чём дело? Князь тихо скулил, но бежал.

Уже поздно ночью стая, преодолев пару деревень и отчего-то отдельно стоящую без хозяйственных домов силосную башню, остановилась на ночлег в овраге...

Середина осени неприветливо встретила беглецов, и овраг показался мрачным и холодным местом. Все легли спать, хорошенько прижавшись друг к другу намокшей в полях шерстью.

Последним в овраг приплёлся старый Князь, хромяя, но не позволяя себе ни рычать от боли, ни скулить. Он лёг, словно свалившись, и прижался тонкой шерстью к спине волкособа...

Огромная полная луна взошла над заговорщиками. Голодные и измученные бегством собаки тихо тьякали во сне, некоторые рычали, иные даже продолжали работать лапами с закрытыми веками так, как будто всё ещё удирали из питомника. Долго не мог уснуть пудель Жак. Он придирчиво выбирал место для ночлега и наконец, когда доведённый недовольством до самого предела прилёг, тут же вскочил оттого, что кое-кто из простых дворняг посмел лечь рядом с ним и прижаться провонявшей шерстью к его хребту!

Наконец, когда все успокоились и улеглись, ротвейлер заговорил словно бы сам с собой...

– Рыцарь, ты спишь? – тихо спросил он. – Я хочу, чтобы ты оставался до конца мужественным и выслушал то, что я тебе скажу.

Рыцарь молчал.

– Вожак, если нас будут преследовать – мне не уйти вместе с вами. Задняя лапа совсем не слушается старика...

– Ты рано начал скулить, Князь, – отвечал волкособ, нежно прижимая к груди Хейли. – У тебя всё получится.

– Нет, вожак. Вам не уйти со мной. Мне следует остаться и повести людей по ложному следу... Как ты думаешь?

– Нас пока никто не преследует...

– Если среди людей есть кто-нибудь, кто страдал по-настоящему, он сможет привести охотников на наш след...

– Люди живут пресыщенной, сладкой жизнью, среди них нет никого подобного нам... Спи спокойно.

– Не скажи, Рыцарь, не скажи... Когда я ещё не был так стар, несколько лет назад, в нашем питомнике служил смотрителем один странный человек. От него всегда несло водкой и табаком. Лицо его избородили морщины от постоянных переживаний, а волосы на голове были редки и седы. Он разносил нам еду в мисках и нередко, засунув в похлёбку два пропахших табаком пальца, вынимал оттуда предназначенный для нас кусок мяса и съедал. Я ненавижу его... А когда он однажды не вышел на работу – стал жалеть... Знаешь, о чём я сейчас подумал, Рыцарь?

Волкособ насторожено рычал, но так, чтобы не разбудить бордер-колли.

– Его жизнь была не лучше нашей. С той лишь разницей, что размеры его вольера были расширены до размеров государства, в котором он мог размять ноги?..

Вдруг пудель Жак, взвизгнув, вскочил словно ошпаренный. За ним, залааяв, проснулись все собаки.

– Ремень! Ремень ползёт! – как сумасшедший залаял он.

Волкособ, подбежав, молниеносно перекусил проползавшему по дну оврага ужу голову. Тёмная лента взвилась в предсмертных судорогах под бледным светом луны.

– Спи, собаки! – глухо прорычал Рыцарь. – Это всего лишь змея, у неё нет таких клыков, как у вас. Спи – рано вставать. Отдохните хорошенько – нам нужны силы.

И он возвратился туда, где его ждала Хейли. Когда волкособ прилёт, бордер-колли ещё сильнее прижалась к его мощной груди, дрожа от холода и трепеща от надежд на счастливое будущее...

* * *

Первым в овраге встал Рыцарь. Мощным рыком он поднял стаю и повёл в сторону реки. Только по песчаному берегу им удалось почти незамеченными обойти небольшой город, стоявший немного вдалеке. Жители этого городка часто выходили к воде, но холодным октябрьским утром никого не было.

Поднявшись по косогору, стая выбежала на просёлочную дорогу, ведущую к развилке между двумя деревнями. Небо перекрыли чёрные тучи, и на грунтовой дороге стало темно, как ночью. Собаки старались держаться вместе, но были и те, и среди них и Князь, которые не могли поспевать за стайей и волочились позади...

Возле посёлка городского типа, часть собак, вдохновлённая примером Жака, накинута на пищевую помойку людей и, не взирая ни на какие предупреждения со стороны волкособа, стала лихора-

дочно набивать пустые желудки прогнившими отбросами...

Рыцарь уже вывел беглецов на распутье и приказал следовать всем по правой дороге, когда сзади, в лесу, который только, что покинули собаки, раздались два оружейных выстрела. Рыцарь остался стоять, поджидая оставшихся. И он стоял так один, пока к нему из леса не выбежал с «помощными» дворнягами Жак, а за ними, изо всех сил ковыляя, проследовал ротвейлер Князь. За старым псом тянулся след из свежей крови. Едва приблизившись к волкособу, Князь упал...

— Рыцарь, вам со мной не уйти...

Волкособ молчал, гордо подняв над страданиями друга пепельно-серую голову.

— Я поведу их по ложному следу. Двинусь по левой дороге... — задыхаясь от боли, лаял старый ротвейлер. — Но обещай мне, Рыцарь... Обещай мне, что, когда придёт время — ты пропоёшь обо мне поминальную песню на свободной земле, под счастливым солнцем волчьей свободы? Обещаешь?

— Я обещаю тебе, друг...

И волкособ скрылся в осоке на правую сторону от развилки. Ротвейлер медленно встал и, проливая большое количество крови, двинулся по левому грунтовому большаку, почти волоча за собой задние лапы...

Тут же из леса раздался рёв двух машинных моторов. Охотники питомника на джипах, словно сумасшедшие, неслись к развилке. Увидев раненного ротвейлера, бредущего по левому большаку — открыли беспорядочный огонь из ружей. Пули ковыряли пыль, но безрезультатно! Ротвейлер приба-

вил скорости, лихорадочно работая передними лапы. Задние лапы почти уже не слушались его... И вот одна из свинцовых пуль ударила в затылок Князя. Пёс даже не успел взвизгнуть. Его небольшое тельце перевернулось от удара через себя, подняло пыль и осталось лежать на дороге, прижатое к грунту мощной рукой смерти.

* * *

Дворняги попросили передышки километров через шесть, жалуюсь на то, что их мутит изнутри. Тошнило, в том числе и Жака. Когда же волкособ всё-таки разрешил стае остановиться — всех собак, что рылись в помойке, вырвало. Волкособ сделал привал для стаи на краю деревни, за почерневшей от времени баней. Через несколько минут трава за баней покрылась кроваво-жёлтой слизью...

— Хватит, собаки, нужно идти! — приказал Рыцарь грубым, не терпящим возражений рычанием.

Неожиданно пудель Жак поднял измученную пасть и взглянул на жоака так, словно бы увидел перед собой зрителя питомника с палкой.

— Мы никуда не пойдём, Рыцарь. Мы наелись твоей свободой! Теперь мы знаем, что такое вольная-воля! — лай его был необычным — хриплым оттого, что блевотина прожгла горло. — Твоя свобода — это холодные ночи в оврагах, это — голод и страх. Твоя свобода — это смерть для собак! Мы возвращаемся в тепло, к нашим мискам с мясом... Нам не нужна твоя проклятая воля!

За Жаком, пока он говорил, собралась небольшая толпа из прежде рыгавших псов. Вид их был действительно жалок: худые с вва-

лившимися животами, с ободранными в лесу шкурами, они глядели с ненавистью на волкособа... Нельзя было сказать, что и Хейли, и Кустодий, и остальные преданные Рыцарю друзья его выглядели лучше, – нет. Но неукротимый дух свободы наполнял их сердца неукротимой верой в победу! Они готовы были голодать и голодали, они готовы были терпеть боль ради свободы и терпели, они верили своему вождю и шли за ним, готовые на всё!

– Дело твоё, Жак. Я не держу вас. Все же прочие собаки, кому свобода милее сытости – пусть следуют за мной!

И верные товарищи вновь двинулись за волкособом, прибавляя шаг и вооружась терпением. Жак и его сторонники – дворняги – повернули назад, навстречу преследователям, непрерывно останавливаясь и вытягиваясь в струнку, выбрасывая из пастей едкую жёлтую гниль...

* * *

Стая пробежала ещё несколько селений, и, быть может, позади было уже около четырёх десятков километров, когда, выйдя поздно ночью к одному большому селу, в котором стояла довольно крупная церковь, волкособ сказал, что остался один короткий бросок и что они почти у цели...

– Нам нужно двинуться через село и повернуть направо, потом спуститься вниз, и мы тут же выйдем в долину волчьей свободы, братья! Всего лишь один последний бросок, и люди не смогут преследовать нас... Отдохнём немного и соберём последние силы...

Вся оставшаяся стая: доберман Панцирь, дворняга Гром, попильоны, Никки, Мома, Кустодий

и прочие дворняги легли вместе, прижавшись, как обычно, шкурами друг ко другу. Только Рыцарь и Хейли лежали под сосной на сухих иголках отдельно. И Хейли тихо пролаяла Рыцарю:

– А знаешь, Рыцарь, я поняла, что такое свобода...

Волкособ лежал на боку, одной лапой прижимая к себе бордер-колли. Высоко в тёмных верхушках сосен бродил одинокий месяц, и никто из собак, проделавших столь большой и опасный путь, нем мог предположить, что бензиновые моторы сильнее их обессиленных ног, и что в село незадолго перед тем уже приехали охотники питомника, и что мужику в коштуне с ружьём было поручено прятаться поутру в церкви, а основная засада должна была находиться в тракторной мастерской, на пути следования в долину...

– Свобода, милый, это – любовь... Настоящая, преданная, верная любовь до последнего вздоха...

Рыцарь, переполненный нежным чувством, лизнул Хейли своим огромным розовым языком, а та в ответ обдала его жарким дыханием... Все в стае уснули, и только холодный октябрьский ветер, пролетал над прятавшимися носы в лапах, спящими собаками, расшевеливая огрубевшую за время побега шерсть.

За несколько минут до восхода солнца волкособ проснулся и поднял стаю негромким, но твёрдым лаем. Собаки вскочили на ноги и двинулись за вожак. Когда они спускались с соснового холма вниз в село, Кустодий настороженно сказал Рыцарю: «Я чую опасность». На что Рыцарь ответил: «Я тоже чувствую беду. Но как люди могли опередить нас?» «На

церкви нет замка, а до службы ещё очень далеко...» – заметил ретривер.

Но тут из протоиерейского дома вышла маленькая девочка и сказала, обращаясь в окно дома: «Мамочка, я тут подожду, пока вы соберётесь». Мать протянула ей из окна мясной пирожок. Эта сцена несколько успокоила Рыцаря и Кустодия. Стая благополучно спустилась с холма и пошла мимо дома протоиерея и церкви. Хейли, привлечённая запахом мяса от пирожка девочки и не евшая уже несколько суток, приблизилась осторожно к ребёнку. Рыцарь на секунду повернул голову в её сторону, но ничего не сказал.

– Ой, какая добрая собачка! – залепетала малышка, угощая Хейли остатками вкусного снадобья.

Девочка поглаживала Хейли крохотной ладошкой и кормила со своей маленькой ручки.

– Ой, какая голодная, хорошая собачка... Кушай, кушай... – поговаривала она и поглаживала ручкой худые рёбра Хейли...

Тем временем собаки обогнули церковь и стали выбегать на прямую дорогу в Долину... Сбоку от дороги стояла тракторная мастерская...

Судорожно, почти не жуя, проглотив куски пирожка, Хейли увидела, как осторожно на папёрть из дверей храма вышел знакомый ей уже мужик в коштуне и с ружьём и направился к апсиде. Она оторвалась от еды и, выскользнув из объятий ребёнка, медленно пошла за человеком...

Мужик не видел бордер-колли. А ей стали хорошо заметны засверкавшие на взошедшем солнце воронёные стволы стрелков в засаде... Она видела, как её Рыцарь вёл стаю на ружья, по

дороге к тракторной мастерской! Оставались считанные метры и секунды... И тут громкий лай Хейли разбудил село!

– Милый мой, любимый мой! Впереди засада! – только и успела пролаять собака.

Мужик в коштуне испуганно вздрогнул, отпрянул – рядом с ним, в двух шагах кричала беглянка! Вскинулось ружье, и выстрел тут же прибил к земле лёгкое тельце Хейли. Чтоб убедиться в смерти, мужицкая рука грубо схватила за ноги бордер-колли и со всего размаха ударила тельцем собаки о белёсую кладку церкви. Раздался глухой звук ударившихся о стену костей, и брызнула тонкая струйка крови от мордочки...

Волкособ остановился, когда грянул выстрел, и видел, как погибала его любовь. Стая бросилась бежать в противоположном направлении, не понимая, что происходит. Мёртвая Хейли повисла в мужицкой руке словно плеть... Рыцарь стоял и смотрел. А тем временем, поняв, что засада провалилась, стрелки питомника высыпали из мастерской и открыли беспорядочную стрельбу по собакам.

Свинцовые пули свистели над головой Рыцаря, а он всё стоял и смотрел в сторону своей любви. Одна пуля рванула шерсть под горлом, другая царапнула ухо. Но волкособ стоял и смотрел и не уходил. Тут подбежал к нему Панцирь и схватил зубами, и укусил, и потащил за шкуру шеи. Рыцарь пришёл в себя и побежал вместе со всеми...

* * *

Никого больше не подстрелили. Хейли вовремя предупредила стаю, и целиком всем беглецам

удалось скрыться в лесу. Но не тут-то было. Взрели джипы людей и двинулись в лес. Обессиленные голодные собаки прибавляли бегу, но машины неотступно шли по пятам.

Сосновый лес шёл на взгорку и начинал редеть. Холмистая местность под лапами мешала бежать и сбивала дыхание. Через пять километров стая остановилась, чтобы перевести дыхание и осмотреться.

– Я не знаю эти земли, – сказал Рыцарь, оглядывая своих товарищей. – Мы пошли не в том направлении...

– Нас просто гонят туда, куда нужно людям, – заметил Кустодий. – Сосен становится всё меньше, а земля каменистей...

Вдруг с двух сторон – спереди и сбоку – появились на некотором отдалении за деревьями «газики» и одна малолитражная грузовая машина. Время близилось к полдню, но у машин были включены фары. Рядом с машинами можно было увидеть тонкие фигурки людей – они шли на стаю цепью, у всех в руках были или дубинки и сети, или электрошокеры и ружья...

Оставался только один путь для отступления, и вся стая, невзирая на лай Рыцаря, бросилась туда, где в просвете редких сосен сияло яркое солнце...

Через несколько минут собаки выбежали к крутому косогору над глубокой пропастью. Одинокая скала, выступавшая несколько вперёд от земляного разлома была почти вся покрыта опавшими берёзовыми листьями и мелким камнем. Внизу под скалой виднелась тонкая струйка мирно протекавшего ручья, и лежал труп козлёнка случайно сорвавшегося со скалы, на которой теперь стояли собаки.

Стая подошла близко и обречённо к краю обрыва. Высоко в небе светило яркое радостное солнце. Некоторые псы обнюхали край выступа. Щебень вывернулся из-под лап Кустодия и полетел вниз, набирая скорость. Кустодий отпрянул от края. Немного в отдалении от стаи росли две облетевшие берёзы и ещё пара сосен, больше никакой растительности не было. Позади них из леса слышались радостные крики людей и нарастающий шум моторов. Отступить было некуда. Две ласточки пролетели под собаками в глубине пропасти. А там за высоким и счастливым солнцем простиралась Волчья Долина – цель их побега, страна вольной воли...

Панцирь глухо прорычал: «Больше надежды нет...»

Рыцарь не обернулся, когда раздались первые визги дворовых собак и люди, втыкая электрошокеры в исхудавшие бока собак, начали хватать беглецов и бросать в мешки. Псы, поджав хвост, медленно и обречённо пошли навстречу сытой, обеспеченной жизни. Когда Мому ударили палкой, она отчего-то не взвизгнула, а как-то даже всхрипнула. Панциря били палками и всадили электрошокер, но он не издал ни звука... Рядом с вождем оставался только Кустодий.

– Больше надежды нет, Рыцарь, – тихо прорычал ретривер. – Бог умер. Больше надежды нет...

Морозный ветер пролетел по шерсти собак. Кустодий, отвернувшись от Рыцаря грустные глаза, пошёл медленно к зрителям питомника. Те хватали собак и швыряли в мешки. Зрители питомника, не встречая никакого сопротивления, всё равно били палками по голове и без того не сопротив-

лявшихся псов, только ради своего спокойствия и ненависти за вынужденную продолжительную погоню.

– Кустодий! Бог не умер. Никогда мы не будем жить в неволе...

Архиерейский пёс повернулся. Рыцарь вновь увидел его печальные глаза.

– Никто и никогда не отнимет у нас свободу! Никто и никогда!..

– Нас ждёт один мешок на двоих... Пойдём, Рыцарь. – И ретривер вновь повернулся в сторону машин и людей. Он не увидел того, что произошло после...

Волкособ стоял один, гордо поднимая голову. Он глядел на беспомощность своих друзей и на то, как люди били их, хватали и швыряли в багажники машин. Позади него зияла пропасть, а за пропастью – долина – а над нею ярко сияло огромное солнце волчьей свободы...

Двое из мужиков пошли с сетью наперевес на волкособа. Он был неподвижен. Огромный, чуть ли не в рост человека, он словно окаменел и смотрел, как к нему приближаются зрители питомника...

Доберман Панцирь и Никки, заброшенные в кузов грузовика,

подняли встревоженные морды. Борт мешал им видеть каменистый выступ обрыва. Тогда вскарабкавшись передними лапами на край борта, они встали во весь рост, чтобы увидеть своего вожака.

– Теперь не уйдёт! – проревел один из охотников. – Никуда не денется!

Волкособ, огромный и непобедимый, сидел на каменистом выступе и смотрел, как к испуганным шедшим на него ловцам присоединились ещё двое. Он хотел жить и любить и быть свободным. Там за спиной высоко в небе сияло радостное солнце, а впереди свистели в воздухе палки и кричали от боли его братья. Озлобленные люди шли на него в атаку.

– Никто не отнимет у нас свободу! – громко пролаял Рыцарь, и стая услышала его последний победоносный лай. Многие даже подумали, что волкособу удалось вырваться...

А Рыцарь, отвернувшись от алчных и испуганных лиц людей, сделал два огромных прыжка к краю обрыва и, оттолкнувшись всеми четырьмя громадными лапами, прыгнул вверх, в самое солнечное небо волчьей свободы!..

